

«СДЕЛАНО В ТАДЖИКИСТАНЕ» НАЦИОНАЛЬНЫЙ СТИЛЬ ПОСТСОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

АЛЕКСАНДР СКИПЕРСКИХ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Пермь, Россия

Резюме

Процесс распада СССР привёл к образованию национальных государств в границах бывших союзных республик. Новые национальные элиты нуждались в обосновании собственного права формулировать смыслы, равно как и в новых героических и символических системах. Легитимация власти начала происходить параллельно с конструированием национального стиля, частично утраченного, частично модифицированного в советский период. В статье речь идёт о том, как происходило обретение национального стиля в Таджикистане, а также какими способами политическая элита таджикского государства постепенно преодолевала культурное наследие распавшейся советской государственности. На ряде примеров автор статьи показывает, как национальный стиль со временем утверждается в архитектуре Таджикистана и в его языковой политике, стал определять символическую политику и производить новые культурные стандарты и формы, становящиеся частью повседневной практики. С точки зрения автора, политическая элита современного Таджикистана не имеет другой возможности для политической легитимации, кроме как путём обращения к национальным мотивам и сюжетам, подчёркивающим героическое историческое прошлое государства. Процесс национальной самоидентификации означает акцентирование внимания на центральности таджикской культуры. Каждое государство вправе заботиться о сохранении и развитии своего культурного слоя. Современный Таджикистан не является исключением. Автор приходит к выводу, что в культурном пространстве современного Таджикистана национальные символы постепенно вытесняют память о советском прошлом. Они также отражают возникающий общественный запрос со стороны молодёжи и произошедшее изменение социальной структуры. Политическая элита страны должна постоянно подчёркивать собственные достижения на пути развития новой государственности. Данный процесс представляется объективным, ибо конструирование национального стиля предполагает акцент на развитии таджикской культуры.

Ключевые слова:

власть; делегитимация; культура; легитимация; политический режим; политическая элита; советская культура; СССР; Таджикистан.

Легитимация политических элит на постсоветском пространстве не сводилась исключительно к применению некоего универсального комплекса политических технологий и уникальной комбинации формальных

и неформальных практик. Наряду с ними существенное влияние имели объективные условия, определявшие тактики и стратегии нарождающегося политического класса – новой национальной элиты. Одним из

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.01.2018

Дата принятия к публикации: 27.02.2019

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: pisatels@mail.ru

них выступало сохраняющееся влияние советского культурного прошлого. Именно выстраивание отношения к нему стало важнейшим элементом социально-идеологического позиционирования нового политического класса. Как отмечает отечественный специалист В. Ачкасов, лидеры постсоветских государств были вынуждены решать проблему «конструирования или реинтерпретации национальной традиции, “национализации прошлого”, вычленения “поворотных моментов” в истории, “переформатирования” коллективной исторической памяти для легитимации национального строительства и возникших политических режимов» [Ачкасов 2013: 110–111].

По мере укрепления национальных политических элит судьба советского культурного наследия стала предопределённой. Вместе с тем оно не могло моментально забыться в случае новых государственных, которые постепенно освобождаются от необходимости следовать его повелительному нарративу. Попытки его преодоления ярко проявились в становлении национальных элит современного Таджикистана, которые до сих пор ощущают на себе давление советской культуры, длительное время проецировавшей в республике «мягкую силу» Союзного центра [Русакова 2015: 49–51].

Активное возведение новых символических порядков в постсоветских республиках Центральной Азии могло рассматриваться как следствие восприятия новых государств в качестве «обременительного груза», что позволило национальным элитам завоевать для себя известную свободу действий [Звягельская 2005: 48]. Руководство страны нуждалось в обосновании собственного права на политический дискурс, для чего ему требовались новые мифологические сюжеты, заслонявшие прежние, дабы больше не поддаваться «обольстительной магии имперской культуры» [Григорян 2011: 6]. Решения, принимаемые политической элитой Таджикистана, говорят о том, что она уже не нуждается в под-

сказках по поводу конструирования национальной идентичности. Приобретая личный культурный и исторический опыт, а значит, относящийся к «внутренней памяти», представители правящего класса в интересах укрепления собственной политической позиции вынуждены избрывать «внешнюю память», рассчитанную на создание специфического восприятия той или иной политики в глазах международного сообщества¹. Согласование внутренней и внешней памяти в случае Таджикистана происходило с учётом уникальности национального кейса.

Нужно отметить, что *культурный контекст выступает одним из исходных и конституирующих оснований политики*. В условиях ценностного и идеологического вакуума культура оказывается уязвимой, что предопределяет её подверженность различного рода интервенциям. Необходимость в ней отсутствует, когда политическая борьба достигает своей кульминации. Правда, уже позже, после утверждения у власти тех или иных сил, именно культура оказывается необходимым инструментом, с помощью которого происходит национальное строительство. Победитель получает всё, в том числе право формулировать смыслы, притязая на роль едва ли не единственного их интерпретатора. Как справедливо замечала А. Ассман, «высокое и низкое насаждается насильственным путём» [Ассман 2016: 184].

Распад СССР сформировал запрос на национальные концепции и сюжеты, позволяющие предельно убедительно обосновать право на государственность. Современный Таджикистан не исключение, хотя его политический транзит был отсрочен из-за событий гражданской войны. Помимо решения проблем, связанных с её последствиями, перед правящей элитой страны встал вопрос о культурной памяти, связанной с советским периодом. Категорического забвения быть не могло, потому что присутствие советского наследия в культурном и информационном про-

¹ Разграничение внутренней и внешней памяти концептуализировано в: [Хальвбакс 2005: 8–27].

странстве Таджикистана оставалось значительным. Таджикская власть не могла в одночасье порвать отношения и с Россией. Как следствие, правящая элита была вынуждена допускать амбивалентность к прошлому, в зеркале которого ему приходится различать свой подчинённый статус. По этому поводу высказывался П. Бурдье, когда говорил о двоякости поведения политических субъектов, использующих нарративы прошлого в формате «*real police work*». Прошлое постоянно выступает привлекательным ресурсом в противостоянии политических элит. В частности, он считал, что стратегии субъектов зависят от того, «в какой степени прошлое, рассматриваемое институцией, выступает в качестве целей и инструментов борьбы» [Бурдье 1993: 269].

Прощание с советским культурным наследием – вопрос времени. Национальные элиты вроде бы и готовы с ним расстаться, но этот процесс сохраняет инерцию, позволяющую романтизировать его и даже ностальгировать по нему. Между тем конструирование новой государственности не терпит символического и идеологического заимствования из советского прошлого. Скорее, наоборот, оно должно осуществляться на контрасте с ним – преимущественно репрессивном. В этой связи словенский исследователь С. Горак замечает, что создание современной нации на основании национальной уникальности может приводить «к отрицанию прежнего режима» [Горак 2009: 124]. Справедливость его гипотезы подтверждается на примере практик работы с памятью современного Таджикистана.

Политические практики таджикской власти позволяют заключить, что культурное пространство страны медленно, но неуклонно подвергается перезагрузке. Важной её предпосылкой стало изменение социальной структуры общества. Следует согласиться с М. Олкотт, отмечавшей, что «Таджикистан серьёзно пострадал от большого оттока талантливых людей разных национальностей, которые начали уезжать оттуда в период гражданской войны и продолжа-

ют уезжать поныне. Даже сегодня этнические таджики, имеющие какие-то экономические альтернативы, отказываются возвращаться домой, что существенно тормозит развитие Таджикистана» [Олкотт 2005: 146]. Таким образом, таджикское общество медленно утрачивает память о советском прошлом, в том числе и уносимую из республики вместе с живыми носителями в силу самых различных причин.

Вместе с прощанием с советским символическим наследием, некогда интегрированным в культурное пространство Таджикистана, происходит изобретение новых символов и проводимой в их отношении политики. Политическая элита понимает, насколько важны одобряемые обществом символы в практиках политической легитимации. В частности, об этом в своё время говорил Ч.Р. Миллс, отмечая, что власть использует символы «в качестве объяснений и даже мотивов, побуждающих индивида к исполнению определённых ролей и их санкционирующих» [Миллс 1998: 49]. В настоящей статье на ряде примеров мы рассмотрим, как советское наследие постепенно исчезает из культурного контекста Таджикистана. Во многом способствовали работе над данным исследованием личные наблюдения автора во время поездок автора, интервью с местным населением и европеизированными таджиками, спустя некоторое время достаточно критично воспринимающими реформы в государстве.

1

Одной из форм обоснования государственной власти выступают её попытки отмечать себя в практиках строительства. Этот способ легитимации является зримо наличествующим и потому эффективным, порождая общественную реакцию, поддерживающую господство правящей элиты. Возведение зданий и памятников служит доказательством успешности намерений властей. В этой связи можно усмотреть зависимость между перестройкой городов, их пространственными изменениями и утверждением национальных элит

[Горак 2009: 124]. В частности, в современной политической практике немалую роль играет опыт переноса столиц. Пример такого рода имеется и на постсоветском пространстве в случае Казахстана, в котором центр политической власти был перемещён из Алма-Аты в Астану.

Между тем германский теоретик культуры Г. Люббе указывал на взаимосвязь между авторитарными потенциями власти и её архитектурной политикой, сводящейся преимущественно к монументальному неоклассицизму и гигантским формам [Люббе 2016]. Именно в проблеме восполнения общественного доверия следует искать ответы на вопрос о том, почему новые политические элиты стремятся утверждать себя через строительство новых зданий, памятников и других архитектурных объектов. Важное место в их легитимации занимает конструирование новых пространств памяти. Политические элиты производят свои мемориальные комплексы, отвечающие их идеологическим предпочтениям. Подобные практики присутствуют и в современном Таджикистане.

Ничто не может так заключать в себе символический магнетизм советской культуры, как архитектурные сооружения, созданные в период СССР. Выступая средоточием памяти, заключённое в камень наследие стоит на пути новой архитектурной политики Эмомали Рахмона, выпадая из концепции застройки центральных районов Душанбе.

В настоящий момент стараниями политического руководства в столице страны создано новое пространство коммеморации, включающее в себя национальный парк, парламентский комплекс, библиотеки и ряд площадей. Его центрирует памятник основателю государства таджиков Исмоили Сомони, воздвигнутый внутри 43-метровой арки в 1999 году. Сложно представить, что столь очевидное внимание к этой исторической фигуре и возведение его в национальный героический ико-

ностас могло бы иметь место в бытность Таджикистана как одной из союзных республик. Расставаясь с культурной памятью советской эпохи, таджикская власть ищет смыслы в предшествующем прошлом. Именно с исторической миссией И. Сомони может отождествлять собственное правление Э. Рахмон, пытаясь конструировать новый символический пантеон для республики [Горак 2009: 124–127]. Архитектурные практики современного Таджикистана подтверждают склонность власти к производству монументальных форм. Национальная гордость проявляется в гиперболизации и гигантизме, как в случае 165-метрового флагштока с развевающимся 420-килограммовым полотнищем неподалёку от Дворца наций².

Хранилищами символов зачастую выступают архитектурные сооружения. Культурная память о советском периоде до новой застройки была сконцентрирована в зданиях, представленных в центре Душанбе, поэтому практики реновации коснулись именно их. Именно в центральных районах власть манифестирует себя с наибольшей силой. Для столицы Таджикистана это особенно актуально, так как в центре города расположены резиденции власти и административные здания.

Если в начале 1990-х годов ещё были возможны общественные дискуссии по поводу судьбы советского культурного наследия (в частности, касающиеся судьбы памятника В.И. Ленину [Шукуров 1999: 249]), то сегодня размежевания практически отсутствуют. Тем не менее возмущение общественности наблюдалось в 2016 году, в момент сноса здания Русского драматического театра имени Маяковского на проспекте Рудаки. Проспект Рудаки – центральная улица Душанбе, которая застраивается однотипными монументальными строениями, определяющими современный облик города и как будто доказывающими стремление власти к модернизации. Общественное недоумение вызвало и обнародование решения

² Пономарёв С. Таджикистан: из советского прозябания в светлое будущее. 2016. URL: <https://www.kp.ru/best/mvk/tajikistan2016/> (дата обращения: 17.12.2017).

о сносе здания бывшей мэрии столицы, представляющего собой яркий памятник сталинской архитектуры. Подобные действия властей подвергают забвению значительный культурный пласт таджикской истории. «Как мы завтра будем рассказывать туристам, как мы будем рассказывать нашим детям: “А что такое была советская власть?”», – недоумевает Г. Шерматов, таджикский интеллектуал и историк-краевед³.

Под угрозу реновации попадает и чайхана «Рахат» – яркий памятник советской эпохи. Чайхана, украшенная мозаикой, цветным стеклом и резьбой, с огромными залами, как будто намекающими о гостеприимстве Востока, причудливо переплетённом с социалистическими установлениями. Новое поколение таджиков сегодня выбирает другие места досуга, что, возможно, станет аргументом власти в тот момент, когда судьба здания будет решаться окончательно⁴. На смену старым базарам приходят новые сооружения для торговли, больше напоминающие супермаркеты. Тренды глобализации затрагивают и современный облик Душанбе. Например, был закрыт известный «зелёный» базар, недалеко от которого появился магазин сети «Ашан».

Облик современного Душанбе в основном устраивает таджикскую молодёжь, потому что он отвечает требованиям модернизации⁵. В этой связи можно провести чёткую связь между импульсами переосмысления прошлого и процессами смены поколений [Маколи 2011: 136]. Власть вынуждена действовать, показывая своё отношение к прошлому. Если она воздерживается от каких-либо развёрнутых комментариев по вопро-

сам исторической памяти, то именно градостроительная практика выступает исчерпывающим свидетельством её позиции.

Градостроительная политика отвечает интересам той части общества, которая поддерживает действующий курс Э. Рахмона. В период становления таджикской государственности из страны уехало много образованного русскоязычного населения, и города были заселены представителями сельской культуры, привнёсшей в городскую среду новые эстетические практики. Произошедшая смена политической элиты в результате гражданской войны означала смену не только вектора политического развития государства, но и эстетических представлений самой власти. Новая волна городской застройки во многом обязана существенному изменению социального состава Душанбе. Как отмечает Г. Шерматов, «для части населения, особенно у власти, город не имеет ценности. Здесь их не воспитывали, они этого не чувствовали»⁶. При этом представители новой политической элиты стремятся остаться в памяти нынешнего поколения, что объясняет их градостроительные эксперименты. Отсюда проистекает потребность власти в массивных объектах, так как монументализм подчёркивает её силу, а элементы роскоши и украшения свидетельствуют о весьма характерном политическом вкусе. Власть в своих архитектурных новациях не пытается сильно оригинальничать

2

Культурные предпочтения нового правящего класса Таджикистана хорошо за-

³ Старый Душанбе идёт под ковш: министерства сносят вместе с жилыми домами. URL: <https://www.currenttime.tv/a/28359979.html> (дата обращения: 11.12.2017)

⁴ Показательно, что из разговора с таджикским собеседником, происходившим в чайхане «Рахат» в октябре 2017 года, следовало, что это его первое посещение заведения спустя 30 лет. Как раз последний опыт посещения относится к советскому времени и прочно ассоциируется со старшим поколением и его ценностями.

⁵ *Adineh E.* Demolishing Dushanbe: how the former city of Stalinabad is erasing its Soviet past / The Guardian. Thursday. 19.10.2017. URL: <https://www.theguardian.com/cities/2017/oct/19/demolishing-dushanbe-former-stalinabad-erasing-soviet-past> (accessed 16.12.2017).

⁶ *Adineh E.* Demolishing Dushanbe: how the former city of Stalinabad is erasing its Soviet past / The Guardian. Thursday. 19.10.2017. URL: <https://www.theguardian.com/cities/2017/oct/19/demolishing-dushanbe-former-stalinabad-erasing-soviet-past> (accessed 16.12.2017).

метны на примере создания новых героических иконостасов в противовес постепенно демонтирующимся советским. В центральноазиатской стране сегодня нет тех проблем, с которыми сталкивается современная российская власть, вынужденная лавировать между одобрением и порицанием ряда ключевых исторических фигур. Подобная амбивалентность затрудняет поиск национальной идеи и формирование национальной и культурной идентичности. В этой связи С. Кара-Мурза отмечает проблему «расщеплённости сознания», свойственную современным россиянам, вынужденным находиться в реальности, где отношение власти к советским символам окончательно не определено [Кара-Мурза 2005]. Знаковым примером, с его точки зрения, выступает эксплуатация образа В.И. Ленина в России (в том числе Ленинский проспект, метрополитен в Москве, Мавзолей). Что касается Таджикистана, то на 2016 г. в стране оставалось всего 2 памятника первому советскому руководителю⁷.

Вопрос отношения к советским символам решался в Таджикистане менее болезненно, чем в бывшей метрополии. Практика переименований показывает, что в период государственной независимости правящая элита смогла найти адекватную замену знаковым фигурам советского периода. Прежний нарратив перестал быть актуальным. Ему на смену пришёл национальный, таджикский нарратив. При этом сама власть отмечает, что «переименование городов и районов Таджикистана имеет высокие цели: повысить чувство национального достоинства и пробудить историческую память у молодого поколения»⁸. Этот процесс происходил в стране сразу на нескольких уровнях, начиная от смены названий областей (в результате Ленинабадская область стала Согдийской) и городов (Ленинабад превратился в Худжанд) и за-

канчивая переименованием отдельных культурных объектов — университетов, школ искусств и др.

Тотальная смена названий объяснялась необходимостью освобождения от каких-либо ассоциаций с советской культурной рамкой. В. Ачкасов в этой связи указывал, что период становления государственности в постсоветских республиках способствовал формированию «дуалистического миропонимания, в соответствии с которым Российская империя и Советский Союз, а также всё с ними связанное, представляют собой силы зла и угнетения, которые через насильственную и злонамеренную политику русификации лишали народы их культуры, исторического прошлого и будущего, а сами националистические движения — силы добра и свободы, которые всё это им возвращают» [Ачкасов 2013: 106].

Тотальный характер переименований, означающий практически полный отказ от советского культурного наследия, затрагивает не только имена политических деятелей и военачальников-революционеров (В. Ленин, Н. Щорс), но и представителей культуры (Р. Глиэр, В. Маяковский). Наряду с этим достаётся и именам, связанным с русской культурой, уже понимающейся как чужая. Смена названий охватывает не только культурные объекты в Душанбе, но затрагивает и другие населённые пункты. Вклад в мировую культуру при этом не учитывается — показательно переименование в Худжанде Театра им. А.С. Пушкина в Таджикский музыкально-драматический театр им. Камоли Худжанди.

Если власть пытается свидетельствовать о героическом пути таджикской государственности, то возникает потребность в самих героях. Как правило, вспоминаются представители культурной элиты таджиков, чьими именами называют проспекты, улицы, площади, парки и районы. В частности, самая длинная улица Душанбе —

⁷ Пономарёв С. Таджикистан: из советского прозябания в светлое будущее. 2016. URL: <https://www.kp.ru/best/msk/tajikistan2016/> (дата обращения: 17.12.2017).

⁸ Сколько стоит переименовать город в Таджикистане? 04.03.2016. URL: <https://news.tj/ru/news/skolko-stoit-pereimenovat-gorod-v-tadzhikistane> (дата обращения: 17.12.2017).

проспект А. Рудаки – названа в честь основателя поэзии на персидском языке. Его же имя получил и центральный парк. Также в честь персидского поэта назван бывший Ленинский район, переименованный в 2003 году.

Схожие тенденции наблюдаются в переименовании различных культурных объектов и институтов. Например, именем А. Рудаки назван университет в г. Кулябе – городе, прочно ассоциирующемся с действующим президентом Э. Рахмоном. Большинство государственных вузов Таджикистана к настоящему времени уже носят имена выдающихся деятелей науки и культуры, имеющих таджикское происхождение. В выборе в качестве героев писателей, учёных, художников присутствует своя логика. Интеллектуалы обосновывают наличие укоренённой традиции, подтверждая, что национальный проект объективен и культурно фундирован. Глядя на рецепции востребованного сегодня интеллектуального наследия таджиков, выработывавшегося в различные периоды истории, становится очевидным, что культурные традиции нации «отличаются чрезвычайной устойчивостью; именно они формируют сегодняшнюю политическую и экономическую практику» [Инглхарт, Вельцель 2011: 36].

По мнению С. Горака, «существование древнего исторического прошлого возвеличивает народ или нацию по сравнению с другими» [Горак 2009: 124]. В этой связи выбор приходится на тех интеллектуалов, творческое наследие которых в большей степени может работать на легитимацию национальной элиты Таджикистана. В частности, таджикским университетам присваивают имена С. Айни (Таджикский государственный педагогический университет), Б. Гафурова (Худжандский государственный университет), М. Назарошоева (Хорогский государственный университет), Н. Хурава (Кургантюбинский госу-

дарственный университет). Новому политическому классу Таджикистана пришёл по вкусу акцент на закреплении в общественном сознании огромной роли таджикских интеллектуалов в конструировании национальной истории, ставший «инструментом конструирования новых культурных границ и идентичностей» [Ачкасов 2013: 111].

Нужно отметить, что процесс переименований растягивается во времени, постепенно охватывая всё новые объекты. Тем самым советский текст окончательно вытесняется национальным текстом.

З

Процесс развития таджикской государственности породил серьёзные изменения в языковой политике. Их имел в виду Э. Рахмон, когда отмечал, что «величие таджикской нации выражается именно в том, что, под игом какой бы империи или завоевателей она бы ни находилась, ей всегда удавалось сохранить верховенство своего языка и культуры» [Рахмонов 2005: 127].

Постепенное освобождение от советского культурного наследия обещает незавидную судьбу русскому языку, выступающему инструментом формирования современной российской политики в Таджикистане. Несмотря на то что ст. 2 Конституции Таджикистана закрепляет за ним статус языка межнационального общения, внимание к нему постепенно снижается⁹. Дерусификация касается не только населённых пунктов и объектов культуры, но и фамилий, из которых убирается русское окончание.

Тем не менее высокая степень интеграции в экономическое пространство России по-прежнему обуславливает потребность в русском языке. Советский культурный опыт до сих пор проявляется в практиках его использования в качестве средства коммуникации.

⁹ При этом в статье 2 Конституции Таджикистана говорится о таджикском языке, как о государственном языке. Также указывается, что нации и народности, проживающие в республике, могут свободно общаться на родном языке. См.: Конституция Республики Таджикистан. URL: <http://www.president.tj/ru/taxonomy/term/5/112> (дата обращения: 17.12.2017).

Становление независимого Таджикистана предполагает определение границ не только самого государства, но и формирование контуров национальной идентичности, маркером которой в том числе является язык. Применительно к нарождающейся государственности в Таджикистане соиздательную роль языка понимали и его внешнеполитические партнёры. Наряду с постепенным сокращением присутствия русского в Таджикистане возникали предпосылки для языковой экспансии других культур. В частности, они нашли отражение в политике Ирана середины 1990-х годов. Последний, как отмечает М. Олкотт, выстроил «тесные отношения с Таджикистаном, население которого говорит на диалекте персидского языка, очень близком к используемому в Иране. Тегеран активно поставляет в Таджикистан разнообразные культурные и учебные материалы, особенно для обновления системы образования, в которой предусматривается постепенный перевод с кириллицы на арабский алфавит» [Олкотт 2005: 97].

Расширяющаяся культурная экспансия Китая также сказывается на популяризации китайского языка. В вузах Таджикистана открываются соответствующие курсы. В образовательном пространстве Таджикистана заметно присутствие Института Конфуция, предоставляющего привлекательные программы для таджикской молодёжи в КНР. В результате существенно увеличивается число молодых людей, выбирающих образовательные треки, связанные с китайским языком. Причём по сравнению с 2000-ми годами оно увеличивается кратно¹⁰.

В Таджикистане всё ещё функционируют школы, где преподавание ведётся на русском языке. Оставшиеся в стране после распада СССР и событий гражданской войны этнические русские предпочитают отдавать своих детей и внуков именно в такие учебные заведения, чтобы максимально сохранить собственное присутствие в рамках русской культуры. Исторический опыт

вовлечённости в советский дискурс всё ещё отзывается в практиках функционирования школ, связанных с российскими военными базами, инфраструктура которых предполагала создание условий получения образования для детей военнослужащих.

Тенденции последних лет не выглядят утешительно. Количество учебных заведений, дающих начальное и среднее образование на русском языке, снижается. В Душанбе сегодня функционирует только две школы, переполненные учениками. Есть образовательные программы на русском языке в Российско-Таджикском (Славянском) университете. По линии Россотрудничества действуют центры науки и культуры в Душанбе и Худжанде. Коммуникация на русском языке осуществляется на многочисленных мероприятиях, призванных напоминать о самом факте русской культуры. Таким образом, осуществляются культурные практики, которые, по словам Р. Инглхарта и К. Вельцеля, призваны «смягчить остроту борьбы за выживание» [Инглхарт, Вельцель 2011: 42].

Стремление актуализировать память о советском прошлом проявляется в политике Министерства высшего образования и науки Российской Федерации. В отечественных вузах для таджикских выпускников сохраняются одни из самых высоких квот при поступлении. Тем не менее российская культурная и образовательная политика всё ещё находится в плену советской инерции, когда объективирует себя посредством данной этатистской практики, показывая заботу о провинции, о территориях окраины.

4

Развитие новой государственности предполагает формирование культурного слоя, что отражается в политике Таджикистана и констатируется представителями правящего класса. Представленные выше примеры градостроительной и языковой политики показывают, что для новой власти гораздо

¹⁰ Long K. Tajikistan Takes Up Chinese. The Diplomat. 23.05.2017. URL: <https://thediplomat.com/2017/05/tajikistan-takes-up-chinese/> (accessed 26.12.2017).

более важно развитие собственной национальной культуры, нежели сохранение памяти о периоде функционирования в составе СССР. Легитимация таджикского стиля происходит параллельно с делегитимацией советского культурного слоя.

В то же время объективные проблемы становления и развития национального государства в Таджикистане, отсроченный из-за событий гражданской войны политический транзит приводят к дифференциации в развитии отдельных областей культуры в стране. В частности, в советский период практически все союзные республики имели свои киностудии. Не был исключением и Таджикистан. Между тем после распада СССР на киностудии «Таджикфильмом» не было снято значительных лент. Демонстрировать зарубежное кино становится менее затратно, нежели своё. Именно эту мысль могут подтверждать билборды с анонсами «Матильды», часто встречавшиеся автору в осеннем Душанбе 2017 года.

Запросы местной молодёжи сегодня выражены в соответствующем культурном меню – в многочисленных развлекательных шоу и музыкальных программах на таджикском языке. Национальный стиль становится модным, и, глядя на таджикскую молодёжь, не возникает ощущения его провинциальности. Показательно, как конструирование национального стиля сказывается на моде. Например, частью утверждения таджикской самобытности можно рассматривать единую одежду для школьников и студентов. Тема национальной культуры становится предметом креативных изысканий для дизайнеров одежды, что отражается в обращении к религиозным мотивам в гардеробе [Умарова 2014].

Конструирование гардероба становится делом государственной важности, компенсируя недостачу национального текста в других сферах культуры. Показательно, что политические мотивы введения в одежду национального стиля не скрываются самой властью, при поддержке которой разрабатываются новые инициативы по унификации дресс-кода таджиков. Так появляются новые эскизы одежды, которые разрабатываются «в целях предотвращения распространения среди таджикского народа чуждой культуры и в целях пропаганды национальной одежды таджичек»¹¹.

Власть использует национальную культуру в качестве скрытого ресурса, с помощью которого можно осуществлять давление на общество и выступать конструктором нового стиля. В этом раскрывается всепоглощающий характер власти, её тоталитарное начало, благодаря которому, следуя Р. Барту, она может «гнездиться в любом дискурсе» [Барт 1990: 547].

* * *

Рассмотренные в настоящей статье примеры свидетельствуют, что в современном Таджикистане происходит постепенная замена советского наследия новыми символами, подчёркивающими величие таджикской государственности, легитимирующими действующий политический порядок и формирующими национальный стиль. Отношение политических лидеров к СССР оказывается тем индикатором, по которому следует перепроверять политику власти в отношении советского культурного наследия. Возвращение национального стиля выглядит ни сиюминутным, конъюнктурным проектом, а рассматривается как долгосрочная и перспективная стратегия.

¹¹ *Абдуллоева М.* В чём на работу, в чём на рынок: в Таджикистане женщинам предлагают эскизы «рекомендуемой» одежды. 2017. URL: https://news.tj/ru/news/tajikistan/society/20171129/v-tadzhikistane-zhentshinam-predlozhat-natsionalnuyu-odezhdu-na-vse-vremena-goda-ee-utverdit-pravitelstvo?utm_campaign=620291&utm_source=SendPulse&utm_medium=push (дата обращения: 29.11.2017).

Список литературы

- Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.
- Ачкасов В.А. Политика памяти как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Том XVI. № 4 (69). С. 106–123.
- Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Пер. с фр. М.: Прогресс. Универс, 1989. 615 с.
- Бурдьё П. Социология политики / Пер. с фр. М.: Sociologos, 1993. 336 с.
- Горак С. Идеология лидера в постсоветском Таджикистане // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 6 (66). С. 123–134.
- Григорян Л. Параджанов. М.: Молодая гвардия, 2011. 318 [2] с.
- Звягельская И. Таджикистан как зеркало «исламской революции» // Pro et Contra. 2005. Том 5. № 3. С. 48–63.
- Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития / Пер. с англ. М. Коробочкина. М.: Новое издательство, 2011. 463 с.
- Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005. 832 с.
- Люббе Г. В ногу со временем. Сокращённое пребывание в настоящем / Пер. с нем. А. Григорьева, В. Куренного, М. Румянцевой. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2016. 456 с.
- Маколи М. Историческая память и общество сограждан // Pro et Contra. 2011. 51 (1–2). Январь–апрель. С. 134–149.
- Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. М.: Стратегия, 1998. 264 с.
- Олкотт М.Б. Второй шанс Центральной Азии. М.: Московский Центр Карнеги, 2005. 487 с.
- Рахмонов Э. Таджики в зеркале истории. Книга первая. От арийцев до Саманидов. London: London & Flint River Edition. 238 с.
- Русакова О.Ф. Измерение soft power // Soft power: теория, ресурсы, дискурс / Под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2015. С. 44–60.
- Умарова Г.А. Символика цвета и цветовые предпочтения в костюме мусульман (на примере Таджикистана) // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 4–1. С. 131–136.
- Хальвбакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–27.
- Шукуров Р. Таджикистан: муки воспоминания // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М.: АИРО – XX, 1999. 446 с.

'MADE IN TAJIKISTAN' NATIONBUILDING IN THE THIRD MILLENNIUM

ALEKSANDR SKIPERSKIKH

National Research University – Higher School of Economics, Perm 614070, Russia

Abstract

Collapse of the USSR resulted in emergence of national states within the borders of the former Soviet republics. New national elites needed to establish their right to create meanings. Legitimation of power started simultaneously with construction of a national style, lost during the Soviet period. The article is about methods of the national style construction in modern Tajikistan and accents that helped the political elite of this state gradually overcome the cultural heritage of the disintegrated Soviet state. Based on examples, the author shows how the national style is gradually vested in architectural and language policy, defines symbolic politics and produces new cultural standards and forms. The author supposes that political elite of modern Tajikistan has no other way for political legitimization but to address national motives and various subjects that underline the heroic historical past of the state. National self-

identification means focusing on the centrality of Tajik culture, which is an objective in itself. The author concludes that every independent state has the right to preserve and develop its culture and modern Tajikistan is no exception. In the cultural space of modern Tajikistan national symbols gradually replace the Soviet heritage. Political elite of the modern state must emphasize its own achievements in state building process. Construction of the national style makes development of Tajik culture a priority.

Keywords:

power; delegitimation; culture; legitimation; political elite; political regime; Soviet culture; USSR; Tajikistan.

References

- Achkasov V.A. (2013). Politika pamjati kak instrument stroitel'stva postsocialisticheskikh nacij [Memory policy as a tool for building postsocialist nations]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoj antropologii*. Vol. XVI. No. 4 (69). P. 106–123.
- Assman A. (2016). *Novoe nedovol'stvo memorial'noj kulturoj* [New Dissatisfaction with the Memorial Culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 232 p.
- Bart R. (1989). *Izbrannye raboty. Semiotika. Pojetika* [Selected Works. Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress. Univers. 615 p.
- Bourdieu P. (1993). *Sotsiologija politiki* [Sociology of politics]. Moscow: SocioLogos. 336 p.
- Gorak S. (2009). Ideologija lidera v postsovet'skom Tadzhikestane. [The Ideology of the Leader in Post-Soviet Tajikistan]. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*. No. 6 (66). P. 123–134.
- Grigorjan L. (2011). *Paradzhanov* [Parajanov]. Moscow: Molodaja gvardija. 318 [2] p.
- Halbwachs M. (2005). Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and historical memory]. *Neprikosnovennyj zapas*. No. 2–3 (40–41). P. 8–27.
- Inglehart R., Welzel C. (2011). Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya. Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya [Modernization, Cultural Change and Revolution. The Sequence of Human Development]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. 463 p.
- Kara-Murza S.G. (2005). *Manipulyatsiya soznaniem* [Manipulation of Consciousness]. Moscow: Eksmo. 832 p.
- Ljubbe G. (2016). V nogu so vremenem. Sokraschonnoe prebyvanie v nastoyashhem [Keep Up with the Times. Short Stay in the Present]. Moscow: Izd. Dom Vyshej shkoly ekonomiki. 456 p.
- Makoli M. (2011). Istoricheskaya pamjat' i obschestvo sograzhdan. [Historical memory and society of fellow citizens]. *Pro et Contra*. No. 1–2. P. 134–149.
- Mills Ch.R. (1998). *Sotsiologicheskoe voobrazhenie* [Sociological Imagination]. Moscow: Strategiya. 264 p.
- Olcott M.B. (2005). Vtoroj shans Tsentral'noj Azii. [The second Chance of Central Asia]. Moscow: Moskovskij Tsentri Karnegi. 487 s.
- Rahmonov E. (2000). *Tadzhiki v zerkale istorii. Kniga pervaja. Ot arijcev do Samanidov* [Tajiks in the Mirror of History. The First Book. From Aryans to Samanids]. London: London & Flint River Edition. 238 p.
- Rusakova O.F. (2015). Izmerenie soft power [Measurement of Soft Power]. In Rusakova O.F. (ed.) *Soft power: teoriya, resursy, diskurs*. Yekaterinburg: Izdatel'skij Dom "Diskurs-Pi". P. 44–60.
- Shukurov R. (1999). Tadzhikestani: muki vospominaniya. [Flour Memories of Tajikistan]. In: Ajmermahera K., Bordjugova G. (eds) *Natsional'nye istorii v sovetskom i postsovet'skikh gosudarstvakh*. Moscow: AIRO – XX. 446 p.
- Umarova G.A. (2014). Simvolika tsveta i tsvetovye predpochteniya v kostjume musul'man (na primere Tadzhikestana) [Symbols of Color and Color Preferences in the Costume of Muslims (Example of Tajikistan)]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv*. No. 4-1. P. 131–136.
- Zvyagel'skaya I. (2005). Tadzhikestani kak zerkalo «islamskoj revoljutsii» [Tajikistan as a Mirror of the «Islamic Revolution»]. *Pro et Contra*. Vol. 5. No. 3. P. 48–63.